
Ночная смена
Ina St
СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ
18+

Ina St

Ночная смена

«Автор»
2026

St I.

Ночная смена / I. St — «Автор», 2026

В ночь на четырнадцатое октября дежурный по району спустил вниз вызов, который никто не хотел брать.Это не означало ничего личного. Это была простая арифметика ночного отдела: три дознавателя, двенадцать материалов, один горящий поджог на Литейной — и, с одиннадцати вечера, вызов с автосервиса на Заводской. Охранник сообщал, что на парковке стоит мужчина. Четыре часа. Не двигается. Дышит — кажется. Проверять сам не желает. Просит кого угодно: участкового, наряд, Бога — только чтобы с рацией и погонами.Старшие делили между собой поджог. Арифметика сказала: ехать младшему.Вера Тагилова взяла ключи от машины, не споря. Она уже поняла, что в этой должности не спорят — в ней едут. Двадцать пять лет, два года в следствии, ни одного громкого раскрытия и ни одной звезды на погонах.

© St I., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Ina St
Ночная смена

Глава 1

В ночь на четырнадцатое октября дежурный по району спустил вниз вызов, который никто не хотел брать. Это не означало ничего личного. Это была простая арифметика ночного отдела: три дознавателя, двенадцать материалов, один горящий поджог на Литейной — и, с одиннадцати вечера, вызов с автосервиса на Заводской. Охранник сообщал, что на парковке стоит мужчина. Четыре часа. Не двигается. Дышит — кажется. Проверять сам не желает. Просит кого угодно: участкового, наряд, Бога — только чтобы с рацией и погонами.

Старшие делили между собой поджог. Арифметика сказала: ехать младшему.

Вера Тагилова взяла ключи от машины, не споря. Она уже поняла, что в этой должности не спорят — в ней едут. Двадцать пять лет, два года в следствии, ни одного громкого раскрытия и ни одной звезды на погонах. Только выезды. Начальник отдела, Сергей Львович Гуров, как-то сказал про неё на планёрке: «Тагилова берёт всё, что валяется». Сказал без улыбки, и Вера так и не поняла, был ли это упрёк или единственная похвала, на которую у него хватило запаса.

По дороге она позвонила охраннику — тот был на связи и отдувался в трубку, как в лёгкое.

— Стоит и стоит, — говорил он. — Я вышел, окликнул. Не реагирует. Может, глухой? Или пьяный замер. Помер, может?

— Дышит?

— Не знаю. Я близко не подходил.

— Почему?

Пауза. Для рации — слишком длинная; для человека — ровно такая, какую держат, когда сами не знают ответа.

— Не знаю, товарищ следователь. Не хочется мне к нему подходить.

— Возраст? Что на нём?

— Мужик. Лет пятьдесят. Плащ какой-то… противный, серый. Стоит спиной к кассе. Светом его тыкал — ноль эмоций.

— Итого четыре часа.

— Ну, четыре или пять. Я заступил в восемь — он уже стоял. Смена дневная говорит, они его в семь видели. Может, и раньше.

Вера посмотрела на часы: без четверти час. Пять часов. Если человек стоит пять часов при минус двух, это уже не вызов — это труп с открытой датой, и поджог может подождать.

Парковка перед сервисом была пуста и залита жёлтым светом единственного фонаря — старого, натриевого, который пах тёплой пылью даже зимой. Фонарь выхватывал круг метров пятнадцать, и в этом круге, ровно посередине разметки, между двумя рядами пустых мест, стоял мужчина.

Серый плащ, ботинки, руки вдоль тела. Голова чуть наклонена — не набок, не вперёд, а так, как наклоняют голову люди, которые слушают. Стоял он не пошатнувшись и не оцепенев. Он стоял так, как стоят в очереди, в которую записался давно и которую ещё долго не будут вызывать.

Вера остановила машину метров в тридцати и посидела секунду, глядя через лобовое стекло. Сначала смотри, потом иди — этой привычке её научил отец. Смотри, как человек стоит. Живые так не стоят: живые переносят вес, ёрзают, качаются с пятки на носок, пря-

чут руки. Этот не делал ничего из перечисленного. Он просто занимал собой кусок ночи, как колонна занимает кусок зала.

Она вышла. Мороз был тонкий, октябрьский, асфальт под ногами звенел.

— Гражданин. Вы меня слышите?

Молчание. Ветер гонял по парковке обёртку от семечек; она догнала мужчину, ткнулась в его ботинок — и замерла, будто передумала.

— Как вас зовут?

Вера похлопала фонариком перед его глазами. Свет прошёл по лицу: обычное лицо, уставшее, лет пятидесяти, с залысинами и морщинами у рта — морщинами человека, который когда-то много смеялся. Зрачки не сузились. Но и не расширились, как не расширяются у спящих. Они просто не отреагировали — так, будто свет падал мимо. Немного влево, немного вправо. Не задел.

Она убрала фонарик и взяла его за запястье. Рука не дёрнулась. Пульс был — ровный, медленный, спокойный: пульс человека, который никогда в жизни никуда не опаздывал. Кожа была холодная, как у того, кто долго стоит на ветру. Но перчатка на его левой руке была сухая, и не было на нём ни инея, ни сосулек, ни налипшего снега — ничего из того, что пять часов минус двух градусов делают с любым пальто и любым человеком.

Вера отступила на шаг. Снова посмотрела. Так не бывает, сказала она себе. А себе в ответ: значит, бывает, и теперь ты должна это оформить.

Она вызвала скорую. Дежурная на том конце зевнула и обещала машину «в порядке очереди».

— Скорая будет через двадцать минут, — сказала она мужчине, хотя он не спрашивал. — Вам лучше бы сесть в машину. У меня в машине тепло.

Он не двинулся. Ветер отбил обёртку от его ботинка и унёс под чужие колёса.

И тогда Вера спросила — уже не как следователь, а как человек, у которого за плечами была долгая усталая осень и чей отец пять лет назад погиб в машине с отказавшим задним ходом:

— Вы кого-то ждёте?

И он заговорил.

— Отец.

Не ей. Вера поняла это сразу и точно, как понимают направление выстрела: слово было адресовано не ей. Оно шло мимо её плеча — туда, где над парковкой громоздилась тёмная стена сервиса, а в её цоколе была заварена наглухо дверь подземного этажа, о которой, как выяснится позже, не знал даже охранник. В пустоту. В темноту. К чему-то, что стояло там, где ничего не было.

Вера обернулась. Бетон. Провисшая сварка на заваренной двери. Пятна масла, отлитые лужами в оранжевые монеты. Ничего.

Когда она повернулась обратно, мужчина сказал ещё одну фразу. Тихо и внятно — с той особой, выверенной интонацией, с какой человеку, которого ждали сорок лет, наконец сообщают, что он напрасно прождал:

— Вы мне не это обещали.

Скорая приехала через двадцать минут, как и обещали. Фельдшер — крупный, усталый мужик с вечно простуженным голосом — понажимал на всё, что положено нажимать, посветил во все глаза, какие положено светить, и пожал плечами:

— Кататония. Реактивный ступор, бывает. Везти или как?

— Как хотите, — крикнул из будки охранник, высунувшись по грудь. — Пусть до утра. Они такие утром уходят. Самостоятельно, я имею в виду. У нас третий случай за… — он осёкся и сделал вид, что сказал не это.

— За что? — спросила Вера.

— За смену, — сказал охранник. — За смену, я имел в виду.

Фельдшер записал в сопроводительный лист «кататонический синдром, рекомендовано наблюдение», оставил бумагу, взял с охранника подписку и уехал. Вера осталась заполнять на капоте протокол осмотра места происшествия: пустая парковка, исправный фонарь, отрицательная температура, лицо без установленных данных.

Это заняло минут двадцать. Может, двадцать пять — она старательно выводила графы, потому что рукам хотелось, чтобы их чем-нибудь заняли.

— Товарищ следователь!

Она подняла голову — и первым делом посмотрела на парковку.

Мужчины там не было.

Не было ни ушедшего, ни бегущего — не было так, как не бывает вещи, которую ты держал в руке минуту назад. Серый плащ исчез целиком, не оставив движения в воздухе.

Вера пересекла парковку за десять секунд. За три поняла, что опоздала, — и остановилась, потому что остановиться заставила её лужа.

Большая, оранжевая от фонаря, лужа тянулась поперёк парковки — та самая, с замёрзшим окурком. Неглубокая, на палец, вся в масляной плёнке; фонарь отражался в ней, как монета в темноте. И посередине лужи был след. Один. Ботинок, мужской, отпечатался целиком — от носки до каблука, чётко, как в детской считалочке про гусей.

След был один. Посередине. Вода вокруг стояла нетронутая — ни брызг, ни рябей, ни второго отпечатка слева или справа. Человек не может пройти по луже одним шагом. Человек не может пройти между машинами, если зазор между ними — сорок сантиметров и там зеркала. Но след не спорил с Вериным опытом. След просто стоял в луже — единственный, спокойный, без пары, как свидетель, который пришёл один и на вопросы отвечать не собирается.

— Товарищ, — позвал охранник из будки, и голос у него был уже не тот. — Он же там стоял. Он же там стоял, да?

Вера не ответила. Она достала планшет, приложила к луже, зарисовала след — аккуратно, с размером: двадцать девять сантиметров. Потом вымарала. Не потому, что передумала — потому что в графе «место обнаружения» не было места для того, что она нарисовала.

Дежурный пост охраны отметил в журнале: «02:05 — объект покинул место самостоятельно». Слово «покинул» — охранников так учат писать. Вера прочтёт эту строчку утром и впервые за два года службы почувствует, что журнал лжёт ей не по незнанию, а по договорённости.

Дома, в одиночестве, в тёплой комнате, где всегда пахло чайником и старыми книгами отца, Вера достала тетрадь — сорок восемь листов в клетку, купленную в переходе за тридцать рублей, — и открыла первую страницу. Она не знала, зачем покупала её позавчера. Теперь знала.

Она писала долго, исправляя и сокращая, пока не осталось ровно то, что нельзя было вычеркнуть: «Вызов 2841. Мужчина, ок. 50 лет, стоит на парковке 4+ часа (по журналу охраны — с 19:00). На свет и звук — нет. Пульс 52, ровный. Кожа холодная, но без признаков переохлаждения: сухая перчатка, нет инея, нет конденсата. При длительном пребывании на морозе это невозможно. Сказал два слова. Оба — не мне. Первое — "отец". Второе: "Вы мне не это обещали". Интонация — не бред. Интонация — обида. Так говорят тому, кого ждали. Ушёл между 01:40 и 02:05. Один след в луже. Люди не так ходят. Записываю, потому что в протокол это писать нельзя».

Она закрыла тетрадь. Свет в комнате был один, настольный, и страница с записью казалась в нём глубже и старше, чем сорок восемь листов за тридцать рублей.

За окном падал первый снег — короткий, октябрьский: он таял, едва касаясь земли, как всё, что в этом городе появляется ненадолго.

Вера погасила лампу. В темноте она ещё несколько секунд видела лицо — уставшее, со смеявшимися когда-то морщинами у рта, — и слышала интонацию, с которой человек, которого ждали сорок лет, произносит своё последнее слово.

«Вы мне не это обещали».

Кому — обещали? Ей ли? Отцу ли? Тому ли, кто стоял за её плечом?

Вопросы эти Вера задаст себе ещё много раз. Ответы начнутся с завтрашнего дня.

А в ту ночь она просто легла, не раздевшись до конца, и впервые за пять лет, со дня аварии, не поставила мобильный на тумбочку — как будто знала: ночью ей не позвонят. А утром в отделе уже будет ждать папка с вызовом 2841 — и жизнь, которая больше никогда не пойдёт по протоколу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.